

к гильдии из вязниковских крестьян. Среди них выделяются отдельно выбравшие купеческие свидетельства братья Чарышевы – Иван, Василий и Абросим Феофановичи, Григорий Козлов, Алексей Богашев и другие. Из тобольских мещан происходила купчиха Марфа Пиленкова, у которой было два взрослых сына – Лев и Акинфий Ильичи. К 1850 г. численность курганского купечества сильно увеличилась. Здесь было объявлено 35 капиталов, в том числе 5 из них – по второй гильдии и 30 – по третьей. Остались в купечестве только немногие купцы из списка 1833 г. Среди них был А.И. Палаумов, происходивший из тобольских мещан, А.И. Богашев, которому к этому времени исполнилось 89 лет (судя по всему, хозяйство вел его внук – 28-летний Василий), и семья Карповых. Из вновь причисленных в купечество выделялись вольноотпущенные крестьяне графини Борхес С.И. Березин и семейство Шведовых. В купцах второй гильдии кроме А.И. Палаумова числились отец и сын Меньшиковы, Ф.И. Шишкин и С.А. Осинцев⁷¹.

Больше всего на 1 января 1834 г. было зарегистрировано купцов в Тобольской губернии: в Тобольске – 125 душ мужского пола и 120 женского и в Тюмени – 102 члена купеческих семей мужского пола и 109 – женского, довольно много купцов проживало в Ялуторовске и Таре⁷². Заметно различие в составе купечества этих городов. Если в Тюмени почти все купцы принадлежали к третьей гильдии, то среди тобольских и тарских купцов выделялись капиталы первой гильдии, владельцы которых впоследствии станут известными на всю Сибирь предпринимателями. В Таре это были Нерпины и Филимоновы, в Тобольске – Пиленковы, Бронниковы, Плотниковы и некоторые другие.

Сильно изменились численность и состав западносибирского купечества к 1860 г. Это была не смена поколений, это было выбывание из купечества целых семей, которые не смогли доказать свою состоятельность. Большую подвижность состава зауральского купечества отмечает Т.В. Копцева – на протяжении 100 лет только 41 семья из 278 сохранила свои коммерческие позиции в регионе⁷³. На наш взгляд, это несколько завышенная доля преемственности купеческих капиталов в изучаемом крае. О.А. Задорожная в своей работе выявила около 600 купеческих фамилий, в том числе только 50 семей были потомственными купцами, а 23 рода были связаны между собой семейно-брачными отношениями⁷⁴. На наш взгляд, вторая точка зрения ближе к истине, и мы попытаемся это показать в последующем на материалах по истории отдельных сибирских городов.

Одним из стимулов, который должен был способствовать удержанию купечества в гильдиях, являлся Манифест 1832 г., вводивший звание почетного гражданина (личное и потомственное). Это звание присваивалось за выдающиеся заслуги перед городом, за долгую и беспорочную службу чиновникам, учителям и врачам, за крупные пожертвования и т. д. В почетные граждане попадали и купцы первой гильдии, которые смогли продержаться в ней не менее 10 лет⁷⁵, а с 1863 г. – не менее 20 лет. Звание почетного гражданина освобождало от рекрутской повинности, подушного оклада и телесных наказаний, то есть давало те же права, что и купцам двух первых гильдий, но пожизненно и без уплаты гильдейских сборов. Но эта мера не давала желаемого результата, так как предпринимательству, как известно, необходима свобода в различных ее формах. Свобода слова, печати, собраний для организации буржуазных сообществ, свобода передвижения населения и капиталов для формирования соответствующих рынков, либерализм законов в отношении предпринимательства, основанных на принципах невмешательства, и многое другое. На наш взгляд, таких свобод во второй четверти XIX в. в Сибири было недостаточно. В новейших исследованиях по столичному купечеству высказывается иное мнение. А.И. Османов утверждает, что применительно к первой половине XIX в., особенно к эпохе Николая I, для реализации экономического и социального потенциала купечества существовала «благоприятная внешняя среда». «Институциональная среда, – по мнению автора, – в значительной мере способствовала тому, что

⁷¹ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 530. Л. 1–12; Д. 749. Л. 4–91.

⁷² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1449. Л. 472.

⁷³ Копцева Т.В. Духовная культура купечества Зауралья (во второй половине XVIII – первой половине XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁷⁴ Задорожная О.А. Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 15.

⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи. II Собрание. 1825–1880 гг. (ПСЗ-2). Т. 7. № 284.

во второй четверти XIX в. передовой западный производственный и технологический опыт стал быстро осваиваться отечественной промышленностью»⁷⁶. Конечно, появление первых пароходов и строительство Царскосельской железной дороги, появление фабрик и заводов в окрестностях Петербурга, формирование здесь внесословных групп населения (инженерно-технические и рабочие кадры) – все это была поступь прогресса. Но, во-первых, эти процессы наблюдались преимущественно в столице, а во-вторых, темпы роста могли быть во много раз быстрее, если бы не было николаевского периода реакции и общество приступило бы в 1825 г. к реализации реформаторских планов декабристов. Такова наша позиция в отношении этого периода, которая подтверждается застоем в делах, нестабильностью положения купечества, его слабостью и малочисленностью, вмешательством местной власти во все хозяйственные дела, обременением купцов высокими налогами, постоями и общественными должностями.

Только к 1860 г. коммерческая активность деловых кругов Западной Сибири в связи с расширением добычи золота и общим хозяйственным подъемом несколько оживилась, и, соответственно, выросла численность купечества. Например, в Томске в первой гильдии было зарегистрировано 4 капитала, во второй – 16, в третьей – 69. Всего к томскому купечеству было причислено 233 душ мужского пола. Кроме этого, в городе и округе торговало много иногородних купцов, которым принадлежал 41 капитал⁷⁷. Интересно сопоставить эти данные с численностью купечества по всей Томской губернии: по первой гильдии – 5 капиталов, по второй гильдии – 47, по третьей – 425 капиталов⁷⁸. Получается, что в Томске находилось 80 % купцов первой гильдии, 34 % купцов второй гильдии и 16 % купцов третьей гильдии. Это свидетельствует о высокой концентрации капиталов в губернском центре, несмотря на то, что жители Томска составляли всего 2,6 % населения губернии. Доля купечества Томска среди всего населения города была невелика – чуть более 2 %.

К томскому купечеству первой гильдии принадлежали Г.И. Елисеев, И.Г. Хаймович, Б.Л. Хотимский, А.М. Каминер. Широко известны были в Сибири имена томских купцов второй гильдии: супруги Цибульские, Н.И. Колчин, братья Некрасовы, С.Ф. Хромов, Д.И. Тецков, многочисленный род купцов Серебренниковых и другие. В городе Каинске было объявлено 20 капиталов третьей гильдии, к которым принадлежало 62 мужчины и 63 женщины. Наиболее известные из них: С.М. Митрохин с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми, А.И. Иванов, Е.А. и А.Т. Суриковы, И.П. Ерофеев и другие. В Барнауле к купцам первой гильдии принадлежал Д.И. Флягин с братом Иваном, ко второй гильдии – В.В. Гатиев, В.И. Толкачев и потомственная почетная гражданка П.И. Щеголева. К третьей гильдии принадлежало 30 капиталов барнаульских купцов и 5 иногородних. По Бийску было объявлено 49 капиталов третьей гильдии, и купеческие семьи отличались здесь своей многочисленностью. Ко второй гильдии в этом городе относились П.И. Смирнов, В.С. Поляков, А.И. Носков и А.П. Серков. В городе Семипалатинске было объявлено 10 капиталов второй гильдии, 72 капитала третьей и 13 капиталов иногородних купцов. В Кузнецке в это время было объявлено 20 капиталов третьей гильдии. Длительное время здесь находились в купечестве П.А. Баранов, В.М. Конюхов, Я.В. Копылов, Л.И. Ломшаков и другие. В Мариинске в 1859 г. числился купец первой гильдии, что для небольшого городка было редкостью. Им был известный в Сибири золотопромышленник, потомственный почетный гражданин С.Г. Щеголев. Ко второй гильдии принадлежали М.Ф. Старцев и М.Н. Окулов. Из 32 капиталов третьей гильдии мариинских купцов 12 принадлежало евреям и 3 представителям субботнической секты, что составляло около половины всех капиталов (47 %)⁷⁹. Надо сказать, что доля еврейских купеческих капиталов сначала была весьма значительной в Мариинске и Каинске, а затем стала заметной в других городах Западной Сибири, особенно в Томске.

Особая ситуация складывалась на Алтае, который по своему правовому положению считался горным округом, и там наблюдался довольно низкий процент городских сословий. Исключени-

⁷⁶ Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005. С. 139.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23–50.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 106. Л. 77.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 95. Л. 29–246.

его состава. Практически полностью прекратилось пополнение купечества из мещан и крестьян, так как находиться в гильдиях стало невыгодным делом. Например, в 1815 г. в Томске отмечено купцов первой гильдии 4 человека. Все они были людьми пожилыми и свои капиталы составляли в основном в XVIII в.: 73-летний К.Я. Касимов, 62-летний М.А. Мыльников, 69-летняя вдова купца П.Ф. Шумилова Парасковья и 54-летний М.Б. Серебренников. Капиталов второй гильдии в Томске в это время не было (по крайней мере в рассматриваемом источнике таковых не отмечено), а капиталы третьей гильдии объявили 6 семейств. Во главе них стояли М.И. Быков 68 лет, Ф.Ф. Барковский 54 лет, Ф.Д. Базанов 71 года, П.Ф. Чулошников 47 лет и две купеческие вдовы – Дарья Затинщикова 55 лет и Авдотья Непокоева 64 лет¹⁰⁰.

Городовая обывательская книга по Таре в 1819 г. во многом подтверждает сведения об упадке сибирского купечества в начале XIX в. В этом известном сибирском торговом городе осталось всего 5 купеческих семей. В первой гильдии числилась коммерции советница 69-летняя вдова К.Ф. Нерпина, во второй гильдии было три брата Филимоновых во главе с 50-летним Евтихием, в третьей гильдии находились Н.В. Зырянов (38 лет), М.Г. Пушкарев (66 лет) и Ф.А. Чернов (57 лет). К 1833 г. все эти купеческие фамилии остались в списках купцов (кроме К.Ф. Нерпиной), но против фамилии Пушкаревых, в составе которой было 4 сына, 3 внука, 2 дочери и 2 внучки, стоит пометка: выбыли с 1828 г. в мещане. Ф.А. Чернов умер в 1826 г. без наследников, а Я.И. Чернов, где было 3 сына и 3 дочери, выбыл в 1827 г. в мещане и т. д. Всего в Таре в 1833 г. было зарегистрировано 6 реально действовавших капиталов, хотя в списке фигурирует 11 купеческих семей¹⁰¹.

Данные о томском купечестве 1821 г. также говорят о том, что экономического подъема и, как следствие, резкого увеличения числа зарегистрированных купцов здесь еще не произошло. Всего тогда в Томске насчитывалось 22 капитала, в том числе по двум высшим гильдиям отмечено по два капитала, по третьей гильдии – 18. К сожалению, в источниках за 1821 г. социальное происхождение купцов не отмечено, но можно сравнивать возраст глав купеческих семей. Доля купцов в возрасте свыше 50 лет за 36 лет, прошедших с момента регистрации купечества в 1785 г., увеличилась с 36 до 54 %, «золотая середина» в возрасте от 30 до 50 лет уменьшилась с 51 до 46 %, а глав купеческих капиталов младше 30 лет в документе не зафиксировано. С 1785 по 1821 гг. сильно изменился и социальный состав женщин в купеческих семьях. За это время более чем в три раза увеличилась доля потомственных купчих, почти в три раза уменьшилась доля крестьянок и почти не уменьшилась доля мещанок. Существенных изменений в возрастном составе в этот период не произошло: больше половины всех купчих – не старше 40 лет, как и прежде, мужья значительно старше своих жен¹⁰².

По национальному составу купечество Западной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. оставалось практически однородным. Русские православного вероисповедания составляли подавляющее большинство западносибирских купцов. Одним из исключений в этот период являлся крупный томский торговец разного рода товарами, прежде всего китайскими, Калина Касимов. В одних случаях он упоминался как «бухарец», в других о нем говорилось, что он из «ясашных татар». Но с 1785 г., когда ему уже было 43 года, и по 1821 г., т. е. почти до 80 лет, он числился в списках томского купечества, причем несколько лет по первой гильдии. Его сын рано умер, а внук Гурбан не смог продолжить дело своего деда.

Сравнивая данные Обывательских книг за 1815–1821 гг. с предыдущими материалами, можно отметить, что за три десятилетия среди западносибирского купечества значительно увеличилась доля потомственного купечества, что большинство купцов было преклонного возраста и само существование купеческого сословия в это время было поставлено под угрозу. Такие обстоятельства свидетельствуют о вырождении старинного купечества, которое вместе со всей системой социально-экономических отношений переживало глубокий кризис

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5508. Л. 172–175.

¹⁰¹ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 468. Л. 3–56.

¹⁰² ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5994. Л. 161–168.

и не смогло приспособиться к новым условиям предпринимательства и обеспечить себя достойной сменой.

Что касается отраслевого состава западносибирского купечества в конце XVIII – начале XIX в., то трудно определить достаточно четко и точно род занятий каждой купеческой семьи. В общих чертах можно сказать, что верхушка купечества, кроме традиционной оптовой и розничной торговли (о последнем свидетельствует большое количество у них деревянных и каменных лавок), занималась подрядами, откупам и поставками. Особенно это касается тобольского купечества, традиционно близкого к местной администрации и умевшего извлекать из этого свою пользу. Тюменское купечество вкладывало большие капиталы в обрабатывающую, прежде всего в кожевенную, промышленность. Меньшая часть западносибирских купцов совмещала торговлю с доставкой грузов сухопутным путем и по воде. Предпринимательство в этот период в Сибири в целом было без особой специализации. Однако ее отсутствие еще не свидетельствовало о комплексном способе ведения коммерческих дел. Диверсификация, т. е. одновременное вкладывание капиталов в различные отрасли местного хозяйства, была еще впереди. Только во второй половине XIX в. в городах Западной Сибири начнут складываться семейные, и не только семейные, фирмы и товарищества с широким спектром разного рода коммерческих занятий, где торговля дополнялась промышленностью, а транспортировка кладей – ростовщицеством. На рубеже XVIII и XIX вв. выбор предпринимательской деятельности определялся местной экономической конъюнктурой и прямой выгодой.

Сильное влияние на состав западносибирского купечества оказала отраслевая перестройка 30–40-х гг. XIX в. В это время начинается активный промысел золота в Енисейской тайге, что влечет за собой оформление регионального рынка и появление новой для Сибири социальной группы золотопромышленников, которые для ведения своих дел должны были вступать в гильдии. Поэтому в высших гильдиях купечества в этот период находятся преимущественно золотопромышленники или купцы, совмещающие добычу золота с торговлей. Большинство из них приехало в Западную Сибирь, преимущественно в города Томской губернии, из Европейской России, где они также состояли в купеческих гильдиях. Наиболее видные из них – Н.Ф. Мясников, Ф.И. и А.Я. Поповы, Е.В. Филимонов, Е.Д. Бобков, братья Толкачевы, Федот и Архип. В 1849 г. А.С. Толкачев стал потомственным почетным гражданином вместе со своим многочисленным семейством¹⁰³. Ф.С. Толкачев прожил здесь долгую жизнь и умер 1 июля 1886 г. в возрасте 92 лет, оставив наследникам более 800 тыс. руб. капитала и пожертвовав по завещанию 50 тыс. руб. на постройку в городе кафедрального собора. Съехавшиеся в Томск наследники вскоре покинули Сибирь с разделенными между ними деньгами¹⁰⁴. В купечество в этот период вынуждены были вступить наиболее предприимчивые местные чиновники, которые иногда через брачные союзы становились наследниками купеческих капиталов и владельцами золотых приисков. К их числу принадлежал Ф.А. Горохов, который женился на дочери А.Е. Филимонова, и З.М. Цибульский, женатый на дочери умершего в 1843 г. Е.Д. Бобкова¹⁰⁵.

Сильнее в этот период проявляется заинтересованность купцов в развитии собственной промышленности и транспорта. Все чаще торговля совмещается с выделкой кож, производством мыла и свечей, судовладением и извозом. Это, в свою очередь, приводило не только к увеличению численности купечества, но и к размыванию узкосословных купеческих рамок, вливанию в гильдии людей разного звания, состояния и национальности, что было предпосылкой для образования на базе купечества местной буржуазии. Однако процесс этот был долгий и сложный и к середине XIX в. не завершился.

Как и прежде, доля купцов пожилого и зрелого возраста оставалась значительной. Например, в Томске больше всего было купцов в возрасте от 50 до 60 лет (44 %), далее шла группа

¹⁰³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4838.

¹⁰⁴ Сибирская газета. 1886. 3 августа.

¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1772. Л. 177; Д. 1942. Л. 167.

и другие³⁵⁸. Тюменские купцы владели кожевенным производством в силу близости степной зоны юга Западной Сибири, где успешно занималось кочевым скотоводством коренное население степей. Русское население также имело там большое количество разного рода скота и лошадей. Обилие дешевого сырья было одной из причин вкладывания капиталов тюменских купцов в кожевенную промышленность. Сбыт произведенной продукции осуществлялся на горных заводах Урала, на местных ярмарках, большие партии выделанных кож закупали торговцы чаем, которые использовали их в качестве упаковочного материала.

Аналогичные обстоятельства являлись главными причинами развития кожевенного промысла в степном городке Тара. Здесь кожевенные заводы принадлежали купцам И.Ф. и С.Я. Нерпиным, Д.А. Пяткову, А.А. Носкову и некоторым другим. Тарские купцы были одними из лидеров в поставках в Кяхту юфтевых кож. В 1809 г. туда было поставлено 7613 кож, в 1817 г. – 7754, в 1848 г. – 4563 кожи. Во второй половине XIX в. кожевенным производством здесь занимались уже другие купцы: А. Айтыкин, Н. Лоскутов, А. Верещагина, Г. Носков, А. Медведчиков, Н. Машинский и другие. В год на каждом из предприятий выделялось от 1,5 до 2 тыс. кож³⁵⁹. Для этого кроме емкостей для обработки кож требовалось, прежде всего, большое количество воды, извести, золы, соли, много дров, талового корья, которое заменяло дубовую кору, применявшуюся в Европейской России. Например, в описании кожевенного завода коммерции советницы К.Ф. Нерпиной говорится, что завод стоял в 5 верстах от Тары на небольшой речке и помещался в трех деревянных корпусах. Чанов зольных на заводе было 14, чанов дубных – 40, красильных котлов – 3. Рабочих нанималось 15–20 чел., и выделялось 2,5 тыс. кож. Для обработки кож здесь каждый год закупалось 7 пуд. рыбьего жира, 175 пуд. осиновой золы, 275 куб. сажень дров, 1450 пуд. извести, а также много ржаной муки, соли, талового корья и других средств очистки и обработки кож³⁶⁰. Заказы на эти средства давали возможность окрестным крестьянам заниматься промыслами по их заготовке и транспортировке на заводские дворы, а также получать дополнительный доход, сдавая сырые кожи забитого ими скота.

В дореформенном Томске ведущее место занимала также кожевенная промышленность. Выделанные кожи употреблялись здесь не только как материал для пошива обуви, спрос на которую вырос после начала работ на сибирских приисках, для изготовления конской упряжи и других хозяйственных поделок, но и как упаковочный материал при транзитных перевозках чая из Китая. Заведений для обработки кож было довольно много, но большинство из них были примитивны по своему устройству, малопроизводительны, и их оборудование стоило недорого. Например, в 1818 г. томский мещанин Иван Чайгин и отпущенник бывшего купца Полуянова Григорий Сучков взяли обязательство построить томскому мещанину Андрею Сидорову кожевенный завод с жилой избой и печкой за 158 руб.³⁶¹ Обязательным элементом кожевенного производства являлось большое количество всевозможных емкостей (чанов) для обработки кож, а чтобы их промывать и прополаскивать, нужно было много воды. Поэтому кожевенные заводы обязательно строили вблизи речек и озер.

Сначала кожевенные заводы принадлежали мещанам и крестьянам, но потом, с увеличением объемов производства и размеров прибыли, они переходили к купцам, или их владельцы сами вступали в купечество. Крупные торговцы передавали заказы на изготовление «черных юфтевых кож для Кяхтинской торговли» на определенных условиях. Так, 12 октября 1823 г. 4 томских мещанина обязывались выделывать томским купцам М.А. Мыльникову и П.Ф. Серебренникову 1000 кож для чайной торговли с оплатой по 60 коп. за выделку лошадиной и 50 коп. за выделку бычьей кожи³⁶². Затем, в 1840-е гг., томские торговцы сами открывают довольно крупные предприятия по обработке кож. Михаил Шумилов и Иван Серебренников, владельцы самых крупных предприятий, специали-

³⁵⁸ *Обывательская книга г. Тюмени на 1787–1791 гг.* // Библиотека Тобольского губернского музея. ТМ КП № 12545. Л. 81–99.

³⁵⁹ *Жиров А.А. Тарское купечество XVIII–XX вв. и развитие сибирской промышленности* // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 124–125.

³⁶⁰ ТФ ГАТюмО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 45. Л. 17.

³⁶¹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 33.

³⁶² Там же. Д. 251. Л. 6–7.

зировались на производстве кож только для упаковки чая. Томские мещане Федор Кудрин, Андрей Сидоров, Афанасий Круглыхин, Алексей Колмогоров, Николай Кокшаров, Алексей Еренев и Яков Кутлин имели более широкий ассортимент своих изделий, обеспечивая подошвенной, яловой и хромовой кожей сапожников, сыромятной и черной юфтевой – шорников и экипажников, производя, конечно, и кожу для упаковки тюков с чаем³⁶³. Из числа этих мещан вышло несколько известных в Томске купцов.

Дела самого крупного в дореформенное время в Томске кожевенного заводчика М.И. Шумилова, совмещавшего торговлю с промышленностью, шли неплохо, о чем свидетельствует его купеческая карьера. По справке «купецкого старосты» Серебрякова, М.И. Шумилов с 1819 по 1824 гг. был в третьей гильдии томского купечества, с 1824 по 1839 гг. – во второй и с 1839 по 1841 гг. (время выдачи справки) – в первой гильдии. В ноябре 1841 г. в Томск пришел указ Правительствующего сената о возведении Михаила Ивановича с женою Анной Григорьевной в потомственные почетные граждане³⁶⁴. В 1840-е гг. завод Шумилова обрабатывал 5 тыс. кож и имел оборот 17500 руб. сер. В 1854 г. обороты его завода расширились, и на нем выделялось около 8 тыс. кож.

Особое место в кожевенном производстве Томска занимал завод почетного гражданина С.Е. Сосулина. На нем обрабатывали 3 тыс. кож на 10270 руб., причем ассортимент и качество продукции был выше, чем на остальных кожевенных заводах города. То же самое можно сказать о мыловаренном и салотопенном заводах Сосулина³⁶⁵. Откупа, а потом и золотопромышленность давали средства для более совершенного производства и для найма более квалифицированных мастеров, чем в других заведениях подобного профиля. Однако вскоре эти предприятия перешли в другие руки в связи с прекращением Сосулиными коммерческой деятельности в крае. Кроме этого, в середине XIX в. крупное кожевенное производство имели томские купцы третьей гильдии А. Еренев (оборот 3 тыс. руб. сер.) и М. Сапожников (6 тыс. руб. сер.).

В конце XIX в. ведущее место в кожевенном производстве продолжала занимать Тюмень. Главная роль здесь принадлежала местным купцам, которые, как правило, получали промышленные заведения по наследству. В Тюмени сложились целые купеческие династии, которые передавали свой семейный бизнес из поколения в поколение. Крупнейшими предприятиями по обработке кож в Западной Сибири являлись завод Ф.С. Колмогорова, производивший выделку кож на 300 тыс. руб. при 160 рабочих, а также заводы Е.И. Решетникова и А.П. Кочнева с производством на 120 тыс. руб. каждое. Заведение Колмогорова с полным основанием можно причислить к фабричному производству, так как здесь был установлен паровой двигатель в 30 л. с., и промывательные барабаны и насосы имели более совершенную конструкцию³⁶⁶. Продукция тюменских заводов высоко ценилась в Сибири и отмечалась наградами на российских торгово-промышленных выставках.

В Томске наследник А.Л. Еренева, И.А. Еренев, расширил и модернизировал производство, и в 1890-е гг. их завод, существовавший с 1823 г., выделял 9 тыс. кож на сумму 36 тыс. руб. при 20 рабочих. Это заведение при гораздо меньшем числе работников действовало почти так же эффективно, как более крупные предприятия томских купцов П.А. Бронникова (70 рабочих, 48 тыс. руб. оборота) и Я.А. Пермитина (40 рабочих и 38 тыс. руб. оборота). Кроме них еще одно кожевенное заведение в Томске имел в конце XIX в. купец Я.Е. Ульянов, получивший свое производство также по наследству³⁶⁷. Здесь обрабатывалось 1,5 тыс. кож на 8 тыс. руб. при 12 рабочих.

Надо сказать, что капиталы в западносибирском кожевенном производстве составлялись не только за счет организаторских, коммерческих и производственных талантов владельцев предприятий. Рабочие, трудившиеся на такого рода предприятиях, находились в очень тяже-

³⁶³ Там же. Ф. 3 Оп. 19. Д. 106. Л. 16.

³⁶⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 545. Л. 5.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3775. Л. 65–67.

³⁶⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 357. Л. 48.

³⁶⁷ Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов. СПб., 1895. С. 193.